

Дан Адхип

Часть 1

Джай Форс
и
коридор жизней

Дан Адхип

Джай Форс и коридор жизней

Часть 1

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
А28

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Адхип Дан

А28 Джай Форс и коридор жизней : Часть 1 / Дан Адхип. — [б. м.] :
Издательские решения, 2020. — 338 с.
ISBN 978-5-0051-5930-4 (т. 1)
ISBN 978-5-0051-5929-8

Студент Джай и его друзья делают случайное открытие: оказывается, тело человека — это сложная структура порталов в иные измерения. Рассказать об этом нельзя — никто не поверит. Остаётся только погружаться в исследования, чтобы собирать доказательства. Новые знания переворачивают представление о привычном мире и втягивают Джая в опасное приключение. На кону — жизнь и свобода.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0051-5930-4
ISBN 978-5-0051-5929-8

© Дан Адхип, 2020

Глава 1. Десять тысяч за учебник

Лучший способ убедить себя, будто сделал что-то полезное, и при этом ничего не делать — посмотреть научно-популярное видео.

А я как раз искал повод не браться за домашнее задание, поэтому листал в сети познавательные ролики. Так я набрёл на запись с названием «Сумасшедший американский студент отказался продать учебник за 10000 долларов!». Ненаучно, непопулярно, но как пройти мимо? Всё самое важное собрали в одном заголовке: любопытно же, за какие учебники в США дают студенту десятку, а тот ещё и фыркает.

Ролик, в котором я надеялся увидеть неуравновешенного заучку, цепляющегося за старую книжку, перевернул всю мою жизнь.

Человек с экрана отвечал на вопросы молодого журналиста. Сбоку выплыла подпись: «Роберт Шарп».

«Могли бы и указать, из какого универа этот парень», — подумал я и решил, что интервью брал начинающий видеоблогер, который и не надеялся, что запись посмотрят зрители из-за океана. Ролик походил на нарезку длинной беседы — спасибо тому, кто вырезал скукотищу и оставил самую соль.

Предыстория такова: Роберт Шарп привёз загадочную рукописную книгу из Индии и показал её нескольким университетским профессорам. Сказал, что ей две тысячи лет, те сразу заохали-заохали: «Какой любопытный древний экземпляр!» Стали изучать и пришли к выводу, что это подделка под старину, но очень искусная.

Дальше в ролик добавили выдержку из конференции, которую созвали ради книги. Показали участников и зрителей — пару десятков преподавателей и несколько сотен студентов. Для безымянного литературного труда масштабы впечатляющие.

На сцену актового зала непонятно какого университета выходили профессора и вещали о том, что тема книги крайне занимательна, но не представляет научного интереса. Они оценили возраст работы в сто пятьдесят лет и предположили, что написал её

очень грамотный фальсификатор, который идеально владел санскритом — забытым языком, дошедшим до нас лишь в религиозных текстах индуизма и буддизма. Прикинули, что автором мог быть европейский учёный с бурной фантазией — биолог, антрополог или лингвист, глубоко знакомый с индийской литературой.

Возможно, он писал книжку о несуществующих цивилизациях, животных и растениях, чтобы издать её как художественное произведение. Но в этом случае роман получился бы посредственным: текст больше походил на энциклопедические статьи о мифических тварях — вряд ли бы за такое взялся уважающий себя издатель.

Литературный эксперт — седой дедушка в стильном костюмчике — отметил, что книга написана на безошибочном деванагари. Для несведущих в лингвистике — таких, как я, — дедушка пояснил, что деванагари — это разновидность письменности, которая сложилось между восьмым и двенадцатым веками. Идея, что книге две тысячи лет, сразу отпала. Как письменность санскрита деванагари утвердился только в девятнадцатом веке под влиянием европейцев — ещё одна монета в копилку происхождения писателя.

Эксперты так и не разобрались, был ли у автора корыстный умысел. Сто пятьдесят лет назад гремели романы Жюль Верна, и какой-нибудь европейский учёный точно мог подумать: «А чем я хуже?» Взялся за создание фантастической саги, подготовил к ней целую энциклопедию, которая дошла до нас, а сам роман не осилил. Ещё вариант: автор хотел получить мировую известность, выдав байки собственного сочинения за сенсационные открытия. Во времена, которым приписали создание книги, такие самопальные «находки» были очень распространены в европейской научной среде.

После литератора вышли физик и биолог и на нескольких примерах объяснили, что заметки о невероятных животных и явлениях вымышленные, так как не вписываются в естественнонаучные законы.

Но самым интересным оказался финал конференции. Все профессора дружно признали, что книжка — фикция. А затем вышел председатель экспертной комиссии — автор видеоролика не подписал его должность — и заявил, что такой выдающийся экземпляр фальсификации мог бы стать украшением университетской библиотеки. После он предложил Роберту Шарпу десять тысяч долларов за передачу книги в библиотечный фонд, и зал загремел апло-

дисментами. Парень сидел в этот момент где-то среди зрителей, и, пока он шёл на сцену к микрофону, чтобы отреагировать на предложение, студенты его весело подбадривали: «Молодец! Так держать! Повезло! Завтра проставляешься!» А он встал за кафедру, глубоко выдохнул, поблагодарил преподавателей и зрителей и сказал, что книгу недооценили, поэтому он её не продаст.

Зал сошёл с ума. Сначала посыпались возгласы недоумения, за ними — оскорбления: «Эй, ты чего? Не тупи! Жадина! Не будь идиотом!»

Председатель экспертного совета снисходительно заулыбался и взглянул на Роберта так, что я сразу понял: тип гнилой. Смотря свысока, он пробормотал что-то язвительное, пытаюсь образумить глупого мальчишку, но Шарп был непреклонен. Председатель стал шутить, нарочно высмеивая молодого оппонента, и, в конце концов, строго заявил, что даёт неделю на обдумывание предложения. А заодно попросил зал помочь их другу сделать разумный выбор.

«Что за дешёвая манипуляция толпой?» — разозлился я и ответил председателю пару ласковых.

Словно услышав моё негодование, кадр перескочил с завистливой публики и напыщенного мужика обратно на интервью с Робертом Шарпом, и тот за оставшуюся минуту предложил идею: неважно, из какой ты точки планеты, если ты студент или недавно им был, давай изучать книгу вместе. Связь — через интернет. Язык общения — английский. Все координаты для связи — в подписи к видео.

Ссылка под видео вела на сайт исследовательского проекта. Я полистал фотографии загадочной книги, посмотрел, какой народ уже подтянулся к проекту, и написал Роберту длинное письмо с короткой сутью: молодец, что не повёлся на уговоры старых маразматиков, я тоже хочу помочь с изучением книги.

Чтобы отвлечься от томительного ожидания ответа, я взялся за подготовку к завтрашнему семинару: с такой лёгкостью и удовольствием я ещё ни разу в жизни не делал домашнее задание.

Глава 2. Подозрительные упражнения

На момент начала всех странностей проектом занималось шестьдесят человек из шестнадцати стран, в основном — студенты. Всерьёз никто не верил, что из книги можно выудить что-то революционное, но кое-какие надежды питали.

Самые горячие оптимисты считали, что вымышленные события книги — это закодированные технологии. Нужно только найти ключ — и открытия посыплются одно за другим. Оптимисты поспокойнее верили, что найдут интересные сведения об исчезнувших видах экваториальной флоры и фауны или узнают о любопытных способах применения лекарственных растений. А самые уравновешенные оптимисты просто получали удовольствие от общения, тренировали английский язык и устраивали онлайн-мероприятия по продвижению исследовательского сообщества. Пессимисты к проекту не прилипали, а приходящие реалисты быстро отваливались, когда понимали, что в нашем исследовательском энтузиазме нет ничего рационального.

Было весело увеличивать и рассматривать фотографии страниц, искать зацепки в шрифтах и переводах, проводить аналогии фантастических явлений с реальными историческими событиями и общаться с людьми из разных уголков планеты. Я воспринимал исследование как игру, но, в отличие от компьютерных и настольных, она была настоящей.

За несколько месяцев работы мы пришли к предположению, что основная тема книги — алхимия. В таком ключе статьи стали казаться зашифрованными описаниями, как трансформировать материю из одних состояний в другие. Условия преобразований выглядели слишком неправдоподобными, чтобы воспринимать их буквально, но помогли нам уцепиться за идею, что перед нами — хитро замаскированная инструкция непонятно к чему.

Главное озарение, серьёзно сдвинувшее проект, пришло Роберту Шарпу, что неудивительно, ведь он листал оригинал книги, а не рассматривал на экране копии страниц, как делали остальные.

Он обратил внимание, что автор уделяет много внимания загадочным животным, которых на Земле, по уверению биологов, никогда не водилось. Из текста следовало, что каждое животное помогает человеку находить или прятать артефакты. Мы не раз пытались ухватиться за странных зверушек, но только Роберту пришло в голову сравнить подробные описания их движений с механикой человеческого тела.

Роберт от руки начертил схемы поведения сказочных животных и подставил в них рисунок человека. Оказалось, движения отлично подходят людям для развития гибкости, силы и выносливости: что-то вроде йоги, только причудливее, динамичнее и размашистей.

Он продемонстрировал свои каракули на одной из онлайн-конференций. Такие конференции мы собирали каждую неделю, чтобы делиться свежими мыслями. Встречи всегда проходили несерьёзно: большую часть времени мы шутили, вынося на обсуждение совершенно дикие предположения. Но вот Роберт вбрасывает идею о движениях, и атмосфера конференции тут же меняется: мы так цепко ухватились за мысль, что сразу проснулись и включили головы на максимальную производительность.

Один парень быстро перерисовал карандашные схемы Роберта в формате векторной графики. Другой отыскал свежую статью по физиологии о том, что нестандартные нагрузки на тело развивают нестандартное мышление. Одна девушка, студентка-медик, сказала, что движения и правда очень органично вписываются в механику тела. Вскоре мы уже разрабатывали комплекс упражнений и выбирали добровольцев, готовых испытывать его на себе в разное время дня и с разной интенсивностью.

Мне достался десятиминутный вариант для ежедневной практики по утрам. Кому-то — комплекс на три минуты для занятий утром и вечером. Один герой-атлет выразил желание заниматься по полчаса в день — пожалуйста, все только за. Срок испытаний — три месяца, в течение которых добровольцы записывают, как упражнения влияют на самочувствие.

Энтузиазм, с которым мы восприняли новые задачи, зашкалил. Ещё бы! Это ведь первый хоть какой-то результат наших многочисленных встреч. Никто не задавал вопросы «Зачем?» или «А что это даст?» — мы просто перешли на новый уровень игры в исследователей и радовались этому.

Каждое утро в течение десяти минут я повторял движения в условленном порядке, после чего кратко записывал ощущения. Эти упражнения я выполнял гораздо охотнее, чем традиционную гимнастику, которую уже второй год хотел ввести в привычку. Всё дело в восприятии: если давит «надо», то ищешь повода не делать, а если подстёгивает страсть, то действуешь в любых условиях.

Через три недели ежедневных упражнений я увидел результат и затрепетал от воодушевления и страха. Случилось это в субботу, после того, как накануне я потянул спину, помогая в университете таскать парты из одной аудитории в другую.

Проснувшись утром, я понял, что не могу встать с кровати.

Привычный распорядок дня посыпался: хотел зависнуть с друзьями, а теперь проваляюсь дома. Развлекательная программа безработного студента свернулась: ни посиделок в кафе, ни походов в кино, ни танцев на чьих-нибудь днях рождения. А я, хоть и не считался заядлым гулякой, в выходные регулярно куда-нибудь выбирался. И тут планы рушатся, а я даже не расстраиваюсь! Странно. Случись точно такая же ситуация месяц назад, я бы взбесился.

«Неужели из-за *них* мне стало на всё наплевать?» — покосился я снизу вверх на письменный стол рядом с кроватью.

Оттуда выглядывал уголок тетради с отчётами после упражнений. Кряхтя, я дотянулся до неё и ручки и внёс заметку:

«Возможно, от упражнений я становлюсь спокойнее».

Затем я неловко дёрнулся, и в спине стрельнуло так, что я застонал. Эту боль нужно было куда-то выплеснуть, и под аккуратной строкой о спокойствии я размашисто дописал:

«Ненавижу, когда болит спина!!!!!»

Поход в туалет, ванную и на кухню дался непросто, поэтому, когда я вернулся в спальню и неподвижно лёг, то задрожал от блаженства. Хотел включить ноутбук, чтобы посмотреть сериал, но вспомнил, что ещё не делал упражнения, которые обязался выполнять три месяца ежедневно. А как их делать-то, если лежишь навзничь и не можешь пошелохнуться?

«Эй! — мысленно окликнул я себя. — Ещё и месяца не прошло, а ты уже сливаешься с заданием?»

Пришлось реабилитироваться перед самим собой, поэтому я покопался в голове и вспомнил старую статью о мысленных тренировках. Говорят, у спортсменов, когда они проделывают упражне-

ния в уме, от мозга идут импульсы в те же мышцы, которые работают во время реального движения. Решил опробовать на себе.

Почти сразу на поверхности кожи по всему телу прокатились едва заметные покалывания. Я бы наверняка их пропустил, если б стоял и махал руками и ногами. Обратил внимание только потому, что старался не шевелиться, чтобы успокоить спазмированную спину.

Что это? Осязательные галлюцинации?

Взялся разобраться, поэтому стал следить за возникшими покалываниями, забыв про мысленные упражнения. Потом вдруг осёкся: упражнения не представляю, а ощущения от них остаются! Любопытство захватило так сильно, что по телу побежали мурашки, отчего расслабленные мышцы снова сократились. В спине опять стрельнуло, и я выругался. Покалывания исчезли.

Начал заново.

Когда удалось расслабиться, покалывания вернулись, но на этот раз другими: они усилились и дополнились прохладой, будто со всех сторон меня аккуратно касались сотни тонких ледяных иголок. Больше всего покалываний чувствовалось на лице, кистях и предплечьях. Загудели кончики пальцев рук – там появилась вибрация, как будто что-то начало втекать в пальцы стремительными потоками.

Я испугался и попытался встать. Мышцы спины вновь напомнили о себе. Превозмогая боль, я с трудом сел на край кровати и отдышался. Едва уловимые поверхностные пульсации остались только в кончиках пальцев – другие ощущения пропали.

Переводил дух недолго: спина болезненно тянула, и мне пришлось снова лечь, гадая, что и почему со мной происходит. Догадки быстро зашли в тупик из-за явных пробелов в медицинских знаниях. Вскоре любопытство и искушение первооткрывателя взяли верх, и, старясь расслабиться, я продолжил искать ощущения на кончиках пальцев рук.

Чувствительность вернулась быстро.

На этот раз я заметил, как из глубины рук к кистям и пальцам шли сотни светящихся туннелей. Новые ощущения не были резкими, а потому не пугали. Мне они даже нравились, поэтому я охотно разбирался, куда эти туннели ведут.

Не знаю, сколько прошло времени до тех пор, пока я не устал копаться вниманием в неподвижных руках. Я сумел проследить

ощущения только до плеч: проходя через пальцы тонкими трубками, туннели разрежались и заполняли кисти, а дальше уходили в предплечья и терялись из виду около локтевых суставов.

Когда стало казаться, что туннели пронизали всё тело и заполнились золотистым огненным ветром, я догадался, что сплю и вижу сон.

Красочные линии, ручьи и трубы мелькали до самого пробуждения. Даже когда я проснулся, перед глазами ещё стояли пламенные потоки, наполняющие руки и ноги: чего только спящему не привидится!

Уже наступил вечер. Оказалось, я отключился на пять часов – вот и день прошёл. Что ж, не так долго он и тянулся.

Я поднялся с кровати, чтобы пойти в туалет, и после пары шагов замер от удивления: спина не болела! Это ещё что за чудо исцеления?

Я побродил по квартире, пытаюсь поверить в происходящее, приготовил поесть, но никакими домашними и учебными делами заниматься не стал, чтобы не спугнуть волшебство. Безумно хотелось связаться с коллегами-исследователями, потому что между выздоровлением и упражнениями я чувствовал связь, но я удержался и не стал рассылать записанный отчёт, оставив сенсацию до прямого эфира.

Два дня до ближайшей видеоконференции ходил на подъёме, распираемый радостью. Будничные дела совсем не замечал. В понедельник с наслаждением отсидел все пары в универе, ведь на них я всё время был занят важным делом: прислушивался к ощущениям в пальцах, кистях и предплечьях, наблюдая за вибрирующими потоками энергий.

Во вторник утренняя онлайн-встреча началась не с приветствий, а с моих криков:

– Я нашёл такое, что вы обалдеете! Слушайте все!

Ох я и ликовал, когда представлял, как от этих слов все прильнут к мониторам в ожидании откровения! Но полсотни маленьких лиц на экране ноутбука изобразили лишь удивлённые улыбки.

«Ну, ничего, – подумал я. – Сейчас узнают – перестанут ухмыляться и будут плясать!»

Я выложил всё, что чувствовал и как пришёл к открытию: рассказал о потянутой спине и упражнениях в уме, о покалываниях

на коже и туннелях в пальцах, даже о золотистом ветре вспомнил, хоть и сомневался, что он относится к делу.

Когда я закончил рассказ, то подумал, что всё время мой микрофон был отключён: на лицах коллег не отразилось никаких перемен.

— Эй, алё! — засомневался я в качестве связи. — Меня хорошо было слышно?

Выяснилось, что мои слова были понятны, только вот на значимое открытие они, видите ли, не потянули. Оптимисты разом превратились в скептиков. Я даже растерялся.

Неловкую паузу нарушил молчаливый Томас из Норвегии. Он описал похожие ощущения от упражнений. Ему достался комплекс движений на три минуты для повторов дважды в день. Затем ещё двое признались, что испытывали какие-то вибрации в пальцах рук и ног, но не придали им значения. Языковой барьер помешал участникам подробно описать впечатления, но я уже знал, что речь шла об одних и тех же явлениях: во время обсуждения я чувствовал всё, о чём говорили ребята, как будто сам переживал их опыт.

Для меня найденные явления стали сенсацией, для других — ерундой. Увы, братья по исследованию потенциал не оценили, но от этого моё рвение усилилось втрое: захотелось доказать, что неуловимые ощущения что-то значат.

После утренней видеоконференции я быстро собрался и пошёл в университет, чтобы попасть хотя бы к середине второй пары, — на первую я уже точно опоздал. Думал, послушаю, что говорят лекторы, и заодно понаблюдаю за необычными покалываниями на коже и в руках. Оказалось, это не так-то просто: прислушиваясь к ощущениям в теле, я вообще не понимал слов преподавателей — их фразы перестали складываться в речь!

Вот лектор открывает рот, и в меня, словно из фантастического бластера, выстреливает информационный луч. Вжух-вжух! Мимо! За партой я, как в окопе: формулы, факты и теории просвистывают рядом, но в голову не попадают. Вдруг один луч влетает мне прямо в ухо и проникает внутрь. Ухватившись за смысл, я едва не потерял ощущение покалываний в теле, но быстро совладал с собой и вновь вернулся к вибрации на кончиках пальцев рук. Одновременно слышать себя и разбирать поток внешней информации не получалось. Чувства на коже и в руках казались настоящими, живыми, а то, что говорили лекторы, умирало ещё на пути

до моих ушей и мёртвыми кирпичами сбрасывалось на дно подсознания.

«Зачем я здесь?» — мысленно воскликнул я, когда в начале последней лекции вновь увидел несущиеся на меня безжизненные блоки информации.

Как будто в ответ сзади раздался шёпот, от которого я вздрогнул:

— Джай, у тебя ручка есть?

Глава 3. Первый прыжок

«Джай, у тебя ручка есть?» – мысленно повторил я обращение, пытаюсь сконцентрироваться на его смысле. Но какой уж там смысл, когда сидишь как пришибленный и расплываешься в удовольствии? Я не понимал почему, но от простого вопроса ощутил, будто от поверхности моей кожи посыпались во все стороны искры.

Что это такое?

Я перестал *слышать* слова и начал их *чувствовать*.

Как же много человек теряет, когда во фразах ищет смыслы, а не состояния! Сейчас мне повезло: я увидел глубокое содержание, скрытое в пустяковой просьбе, и уловил окатившую меня волну любви.

Я вздрогнул, подскочил и обернулся в изумлении и оцепенении.

– У меня ручка закончилась. У тебя есть запасная?

На меня с любопытством смотрела Карина – очень симпатичная девушка из параллельной группы. Я только вчера на неё пялился и гадал, почему она кажется интереснее всех своих подруг.

Неподдельное удивление в моём взгляде заставило девушку закрыться, и я сразу ощутил, как волна любви отступила. От моих вытаращенных глаз по её лицу пробежал испуг, будто кто-то выдал её самую страшную тайну. Я тут же пришёл в себя и ответил по делу, чтобы убрать неловкость:

– Вот, держи, – и протянул ручку.

У меня не было запасной, но, почувствовав любовь, с которой Карина меня позвала, я был готов отдать ей все свои вещи.

– Ты же сам ей пишешь.

– Нет, не пишу, – я показал чистый лист в тетради после записанной темы. – Кажется, я немного отвлёкся.

Мы тихо посмеялись, Карина взяла ручку, и я отвернулся, стараясь прочувствовать, что сейчас произошло.

Вибрации на коже не осталось. Вместо неё я ощутил, как миллиарды клеток тела раскрыли антенны-локаторы и развернули их в сторону сидевшей за спиной Карины, чтобы насладиться волнами исходящей от неё любви. Я не знал, как правильно себя вести

в таком состоянии, поэтому просто погружался в ощущения, пока вдруг не заметил, как студенты в аудитории повставали с мест.

Лекция закончилась.

Карина спешно положила ручку передо мной на стол, улыбнулась, сказала «Спасибо!» и ушла, растворившись в нескольких шагах от меня. А я, как оглушённый, стал медленно собираться домой, ещё чувствуя её присутствие.

В таком состоянии я пребывал до вечера.

Перед сном я сел поискать покалывания в пальцах и потоки в руках, но отдаться наблюдениям получилось не сразу: тело запомнило, каково принимать чью-то любовь, и не хотело переключаться ни на что другое.

Карина словно поднесла спичку к сухой траве, и как полыхнуло! Я поглядывал в сторону этой девчонки уже несколько месяцев с той поры, как пережил расставание. Она казалась такой неприступной, что и рисковать не хотелось. До сегодняшнего дня я был уверен, что у неё должен быть парень. Судя по тому, что я ощутил на лекции, никакого парня у неё нет, но при этом она тоже считает, что он быть должен. Возможно, я оступел от её очарования, но разве девушки вкладывают просто так столько любви в ничего не значащие слова?

Чтобы не свихнуться от переизбытка догадок, я расслабился, отчего всё глубже и глубже погружался в облако любви. Пространство вокруг тела ожило — я стал его чувствовать как продолжение себя. Голова, руки, туловище, а затем и ноги наполнились смесью голубой и золотистой энергии, и через пару минут я наблюдал гудевшее вокруг меня упругое желеподобное поле, походившее на яйцо. Оно появилось из невесомых, но хорошо видимых светящихся нитей, выросших из кожи.

Не двигаясь и не открывая глаз, я попытался прощупать вниманием появившееся поле, как вдруг оно сжалось, и меня засосало в пустоту. Неведомая сила пронесла меня через чёрный туннель и выкинула обратно в мою квартиру.

Точнее, мне *показалось*, что это была моя квартира. Интуиция намекала, что всё вокруг стало иным. Я как будто летел среди предметов комнаты, напоминавшей мою, но не являвшейся ею.

За следующие несколько секунд, а может, и минут, упругое поле превратилось в мощный энергетический барьер. Он питался лучами света, шедшими из глубины тела.

Я смотрел на барьер изнутри и изучал его светящуюся структуру, как вдруг заметил: что-то бросилось от угла комнаты в мою сторону. Я резко отпрыгнул вправо. Через защитное поле пролетело нечто бесформенное, оставив за собой дыру в барьере. Где-то вдалеке я услышал стук своего бешено заколотившегося сердца — тело затряслось от страха.

В защите зияла пробоина, и было чертовски важно её залатать. Как по приказу, энергетическое поле сгустилось в месте повреждения и через доли секунды приняло первоначальный вид.

Я развернулся в сторону, куда улетел неизвестный объект, и неосознанно приготовился к бою, встав в стойку в полуприседе. Своей позой я будто включил дополнительную подачу тока: энергетический барьер засиял ярким светом, а из рук полились потоки энергии, которые за секунду преобразовались в длинные гибкие хлысты, выходявшие прямо из ладоней. В подкатившей панике я замахал правой рукой и несколько раз беспорядочно нанёс удары извивающимся хлыстом в пространство передо мной: не успев понять, откуда появилось оружие, от ужаса я сразу же стал им защищаться.

— Кто здесь? Я убью вас! — орал я и сам не мог поверить в этот крик, в управляющую мной дикость и в подчиняющий меня страх.

Сомнений не осталось: в комнате я не один. Что-то проникло сюда, и оно знало все мои уязвимости.

Неосознанный взмах хлыстом — и вот ещё один объект вырвался из темноты и стремительно понёсся на меня. Я еле уклонился.

Как метеорит, насквозь прошедший атмосферу Земли, но чудом не врезавшийся в поверхность, он пробороздил в энергетическом поле туннель с ровными краями. Новая рана затягивалась намного дольше первой. Пришлось признать: драться бессмысленно. То, что находилось здесь, было бесконечно сильнее меня. Немного успокаивало одно: оно не хочет воевать, иначе уже давно бы меня исполосовало. А что тогда оно хочет? Поговорить? Разобраться, кто я такой?

Я вдруг осознал, что вокруг абсолютная темнота. Только свечение защитного поля растекалось на полметра от меня, но дальше всё черным-черно.

Озираясь по сторонам, я точно понял: чем бы *оно* ни было, у него тысячи глаз.

Пытаясь найти взгляды, которые на себе ощущал, я крикнул в пустоту:

– Кто вы такие?

Станный вопрос после того, как уже проорал, что всех убьёшь, но ничего другого на ум не пришло. В ответ я услышал похожие на шелест звуки, слившиеся в жуткую протяжную фразу:

– Уходи-и! – как будто старое дерево хрипло заговорило, шурша листьями.

Я вертел головой, ища автора этих недружелюбных слов, и понял, что зловещих голосов целый хор, враждебно шипящий в мою сторону:

– Уходи-и!

Пытаясь увидеть, кто меня так настойчиво прогоняет, я начал различать чёрные пятна, выделяющиеся на фоне общей черноты. Одно такое пятно устремилось ко мне и мощным ударом в голову отбросило назад. Удар был настолько сильным, что я перестал разбираться, где нахожусь и что происходит. Конечно, я и до этого мало что понимал, но теперь шансов понять совсем не осталось.

Я лежал оглушённым, и в теле пульсом билось только одно желание: «Хочу жить! Хочу жить! Хочу жить!»

Забрезжил свет, и постепенно чернота рассеялась. Через несколько секунд я оказался сидящим в кресле в своей гостиной: глаза вытаращены, сердце стучит, как пулемёт, место на лбу, куда пришёлся удар, ноет и жжёт.

Я осмотрелся, несколько раз глубоко вздохнул, ощупал лоб и лицо и только тогда успокоился: всё в порядке, я дома.

За окном уже стемнело. Взглянув на будильник, я удивился: два часа я сидел в кресле, а там, куда попал, прошло не больше полминуты.

А где это *там*?

Я понимал, что не спал, знал, что не бредил и что события не были галлюцинацией. Я до сих пор ощущал толщину хлыстов, выходявших из рук, чувствовал жжение во лбу и непреодолимую жажду жить, силу которой раньше даже не замечал.

Страшно уже не было, хотя ещё минуту назад *там* я собирался забиться в истерике.

Надо проанализировать.

Каким-то образом, слушая себя, я запустил необъяснимый механизм трансформации тела в структуру, которая напоминала пу-

зырь непрерывно движущихся энергий. Структура светилась. Границы свечения уплотнялись и превращались в защитный слой. Конструкция напомнила капсулу: плотная оболочка защищала содержимое от внешних воздействий.

Вспомнил, как пузырь появлялся, и предположил, что он меняет форму и размеры в зависимости от условий, в которые попадает: то сжимается, то разрастается, то растекается. При этом вся структура, сначала опутавшая, а потом и заменившая тело, не ощущалась чем-то чужеродным: я сам ею и был.

Принять такую метаморфозу я не мог. Ну как человек может быть без туловища, рук, ног и головы и при этом лететь в невесомости в виде овальной светящейся мочалки? Нет, тут дело в изменении восприятия. Может, я посмотрел на себя в другом измерении?

«Значит, в другом измерении я амёба», — мысленно усмехнулся я, подбирая подходящую аналогию.

Я сел записать ощущения в тетрадь. Передать их словами оказалось нелегко, поэтому сравнение с амёбой — простейшим одноклеточным существом — подошло лучше всего. В качестве ядра — сгусток плотных энергий, которым было моё тело. В качестве мембраны — барьер, защищающий от окружающего мира. А в качестве ложноножек — хлысты, которые выросли из рук и вытянулись за пределы барьера.

Когда я в тетради упорядочил увиденное, всё стало не таким уж невероятным. Вот уж и вправду удивительное свойство человека: вместо того, чтобы принять пережитое как данность, ему нужно обязательно провести параллели с известными фактами и явлениями. Если в памяти не всплывает ничего похожего, голова включает режим несогласия. Когда мозгу не за что уцепиться, человек поливает грязью то, что не понял. Поэтому люди охотно закрывают глаза на многообразие вселенной, и наука вращается вокруг одной крупинки реальности.

Мне тоже гордиться нечем: после первого прыжка в параллельное пространство я взялся строить модели других миров, вписывая их в свои представления о логике и морали. Глупо. Лучше бы не тратил время, а чаще путешествовал по иным измерениям, чтобы изучать первоисточники.

Но путешествия начались потом. А пока я, позабыв о страхе, сидел ночью за компьютером и возбуждённо рассылал электронные

письма всем участникам исследовательского проекта. Тему написал заглавными буквами:

«СРОЧНОЕ СОБРАНИЕ! ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ! НАЧАЛО СЕГОДНЯ В 6:00 ПО ГРИНВИЧУ (ЧЕРЕЗ 5 ЧАСОВ)».

В тексте письма только одно предложение: «Подробности на встрече». Расписывать было некогда: я хотел как можно быстрее отправить сообщение, чтобы перехватить тех, кто ещё не лёг спать.

Конференции мы всегда проводили, когда в Европе было раннее утро, чтобы исследователи с других континентов тоже могли выходить на связь без помех для учёбы, работы и сна. Мой клич успели прочитать несколько неспящих полуночников из Европы и Африки и дюжина студентов из Северной Америки и с Дальнего Востока, поэтому на экстренную конференцию собралось не больше двадцати пяти человек. Среди них был и Роберт.

Ребята подшучивали из-за срочности, но было видно, что они заинтригованы, ведь раньше ещё никто вот так внезапно не созывал собрание. Я решил, что это мой звёздный час, и с жаром, но методично, изложил всё, что произошло вечером.

Люди не знали, как реагировать.

Мои слова походили на горячечный бред, однако я ораторствовал с таким вдохновением, что было сложно не поверить. Но как оценить правдивость слов? Как принять то, что, в лучшем случае, походило на детскую страшилку?

За рассказом пошли вопросы, не увлёкся ли я грибами, не переусердствовал ли с лекарствами, не взрывался ли рядом какой-нибудь химический завод.

«Ну что за идиоты?» — мысленно негодовал я после очередной шутки о том, не пил ли я из странных бутылок с малознакомыми людьми.

В иной раз я бы от души похохотал, как здорово фантазируют студенты о причинах помутнения сознания, но только не сейчас.

«Что им мешает сначала проверить, а уже потом посмеяться?»

— Джай, меня слышно? — вклинился в шуточки серьёзный голос.

Я увидел, как с экрана ноутбука один из двадцати пяти маленьких силуэтов машет рукой, чтобы усмирить остряков. Узнал Хуана. Он жил на юге Испании недалеко от Картахены. Полтора месяца назад мы довольно много переписывались лично, поэтому познакомились ближе, чем с остальными участниками проекта.

Шутники затихли, освобождая эфир. Я развернул видеоокно с Хуаном на всю ширину экрана.

— Да, Хуан, слышу тебя хорошо.

«Похоже, он ещё не ложился», — подумал я, глядя на сонное загорелое лицо.

— Такое дело... — замешкался он. — У меня тоже есть что рассказать. Только ответь сначала, какой толщины были хлысты, про которые ты рассказывал?

По мне пробежали мурашки, и ладони неожиданно запылали невидимым огнём.

— Примерно такие, — показал я перед камерой пальцы, расставленные на три сантиметра.

— Покажи на ладони, — попросил Хуан. — Так непонятно.

Я поднёс к объективу ладонь и на ней очертил пальцем место, откуда истекал поток энергии. Кожа вибрировала и гудела. Хуан взбудораженно закивал головой и тоже поднял руку, чтобы все хорошо её рассмотрели.

— Видно линию?

Я пригляделся и заметил тонкую синюю окружность на его ладони.

— Нарисовал сегодня ночью, — пояснил Хуан, не дожидаясь ответа. — После того как получил твоё письмо, захотел лишний раз повторить упражнения. У меня тоже десятиминутный комплекс. Начал делать — в центре ладони зазудело так, будто ледышку приложил. Вот и обвёл ручкой место, чтобы не забыть. Потом кино смотрел — отвлёкся, ничего не чувствовал. А тут и конференция началась: ты только заговорил — сразу ощущения вернулись. Это точно не совпадение.

Настроение беседы изменилось.

Ребята наконец-то начали задавать интересные вопросы, подстёгивающие мою память.

Я вспоминал подробности нападения чёрных пятен и предлагал варианты дальнейших исследований. Через несколько минут все уже радовались моему открытию, признав его самым значимым событием проекта. Решили модернизировать тренировки: теперь участники эксперимента делают по два комплекса упражнений, один физический, другой в уме.

Коллективно постановили, что надо созвать ещё одну конференцию в ближайшие дни: сегодня нас было маловато для такого

поворота в исследованиях. Выбрали пятницу. На том и закончили внеплановую встречу.

Довольный и удовлетворённый признанием, я уже собрался выключить компьютер, как получил запрос на видеосвязь.

«Роберт Шарп», – высветилось на экране.

Я вдруг вспомнил, что за всю конференцию глава проекта не проронил ни слова, кроме приветствия в начале беседы. До сих пор я не придавал этому значения.

Только нажал «принять звонок», как раздался голос:

– Не хотел спрашивать в общем разговоре, но как ты смог понять, *что именно* они тебе говорят?

Меня настолько ошеломили его слова, что я рефлекторно задал встречный вопрос, хотя и так знал, о чём шла речь:

– Эти пятна?

– Да. Сколько раз я ни попадал в тот мир, всё не мог понять, можно ли с ними как-нибудь общаться.

Роберт говорил так естественно и непринуждённо, что я насто- рожился: не разыгрывает ли он меня?

– Ты тоже их видел? – задал я ещё один ненужный вопрос.

– Да, несколько раз. Только они не очень-то любят гостей: либо прячутся, либо как в твоём случае.

Он рассмеялся, а я даже не улыбнулся.

Час назад я думал, что открывал людям невероятный новый мир, а теперь оказалось, что мир уже давно открыт, и для этого парня, ухмыляющегося с экрана, прыжок в другое измерение так же прост, как поход в булочную!

Видя моё замешательство, Роберт сказал уже серьёзно:

– Пусть всё, о чём мы сейчас говорим, пока останется между нами, хорошо?

Я кивнул, и он продолжил:

– Существ, которых ты увидел, я обнаружил около месяца на- зад. Помнишь, когда я рассказал про движения животных из кни- ги? Нарисовал ещё странные картинки и вам показал.

Я кивнул.

– Я их придумал через пару дней после того, как познаком- мился с этими чёрными пятнами. А ещё месяцем раньше я уви- дел такое же поле, которое ты назвал капсулой. Кстати, «капсу- ла» – отличное слово! Спасибо за подсказку. Буду теперь его использовать.

– Что-то не пойму, – нахмурился я. – Хочешь сказать, что ты всё знал заранее, и упражнения – ненужная ерунда?

– Нужная! Что ты! – поспешил успокоить Роберт. – Не делал бы ты их – не получил бы такого быстрого эффекта.

– Ты же сам говоришь, что во всём давно разобрался безо всяких упражнений.

Роберт рассмеялся.

– Разобрался? Да я только больше запутался, и без тебя и других ребят мне не выбраться из этой мути. У меня одни догадки и никаких фактов. Я просто однажды читал книгу, и меня так накрыло, что я подумал: «Схожу с ума».

Он окинул взглядом мою недоверчивую мину и заговорил понятнее:

– Представь, сидишь ты с книжкой в руках, рассматриваешь картинки, разбираешь санскрит, в котором у каждого слова столько значений, что одну фразу можно перевести двадцатью разными способами. И вдруг у тебя начинают жужжать руки. Вроде и звука нет, но они будто бы звенят. Потом жужжание превращается в онемение и распространяется выше, до груди. Так у меня было. Я думал – всё, конец: паралич пробирает. Смотрю на руки в шоке, и тут ещё один приход: вижу, как неоновые спагетти зажигаются сначала в руках, затем во всём теле, а затем и вокруг тела. И через несколько секунд я уже сижу, как пухлая светящаяся куколка шелкопряда, да ещё и ни рук, ни ног не чувствую. Но тогда я переместился совсем в другой мир, не такой, в какой попал ты. Будешь ржать, но я штаны обмочил от страха.

К такой откровенности я был не готов, и рот приоткрылся сам собой. Роберт это заметил и улыбнулся:

– Ну, вот это уж точно не надо никому рассказывать. А то хорошая реклама исследований получится: «Изучай книгу – и начнёшь мочиться в штаны!»

Я прыснул смехом и расслабился. Роберт порадовался, что сумел сбить с меня недоумение и негодование, и продолжил:

– Книга, которую мы уже столько времени мусолим, – не просто талмуд с неизвестными науке явлениями. В ней нет ни слова правды с точки зрения нашего мира. Зато полно описаний других пространств и дорог к ним. Это своего рода карта с чьими-то путевыми заметками.

Год назад на такой рассказ я бы отреагировал вопросами: «Ты больной? Голову давно проверял?» Месяц назад я бы сказал: «Бред». Неделю назад я бы прокомментировал: «Неубедительно». Но за последние несколько часов со мной случилось столько неубедительного бреда человека с больной головой, что я начал допускать вообще любые возможности.

— А что ты столько времени молчал-то? — вызывающе спросил я.

— Ты это серьёзно? — скривил гримасу удивления Роберт. — Уже забыл, как сегодня встретили твой рассказ? Месяц назад я поделился впечатлениями со своей девушкой — заметь, не абы с кем, а с человеком, с которым мы делили вместе постель, — и она сказала, что я помешался на книге и брежу. Представляешь? У меня было намного меньше объяснений, чем у тебя. Я даже привязать ощущения ни к чему не мог: просто читал книгу, и всё само закрутилось. Да и нужно было время, чтобы повторить достигнутое.

— Ты про штаны? — не удержался я.

— М-да, лучше б про них не рассказывал, — усмехнулся Роберт. — Вообще-то это было только один раз. Но даже если бы всегда приходилось мочиться в штаны при переходе в другое измерение, я бы не остановился. Ну а что, космонавтов постоянно тошнит, а в невесомости это вообще превращается в испытание, и ничего: летали, летают и будут летать. А у нас была бы своя фишка: без подгузника за дело не браться.

Мы от души посмеялись и вернулись к теме.

— Я пока не научился попадать по желанию в какой-то конкретный мир, — продолжал Роберт. — Упражнения мы не просто так придумали: я потому и рассказал про движения, чтобы люди перестали искать смысл на страницах и начали искать отклик в теле. Мы хотели дойти до сути книги умом, а оказалось, надо доходить телом. И, судя по тебе и другим ребятам, это неплохо получается.

— Значит, и Хуан близок к цели?

— Да. И ещё несколько человек. Замечал, когда некоторые говорят, ты физически ощущаешь всё, что они описывают?

— Было дело. Я думал, это мои фантазии.

— Это не фантазии, — покачал головой Роберт, а потом вдруг вспомнил, ради чего мне позвонил. — Но это сейчас неважно. Ты так и не ответил, как разобрал, что тебе говорят те существа.

Я о многом хотел спросить Роберта, но он так настойчиво буровил меня взглядом, что я отложил вопросы на потом и стал снова вспоминать ночной опыт:

— Я их не то чтобы понимал, — неловко ответил я. — Просто знал, *что* они мне говорят. А услышанные звуки — это, скорее, интерпретация того, что они транслировали.

Повисла тишина. Через несколько секунд Роберт откинулся назад на спинку стула, и я только тогда понял, в каком напряжённом ожидании он меня слушал. Теперь он расслабился и улыбнулся:

— Надо будет *их* как-то назвать, а то обсуждать неудобно.

Мне показалось, Роберт хочет что-то сказать, но по каким-то причинам не может. И вдруг он задал совершенно неожиданный вопрос:

— У тебя есть на примете место, где я могу пожить несколько дней, когда приеду?

Я даже не понял, что он имеет в виду:

— Куда приедешь?

— К тебе в гости, — непринуждённо ответил он.

— Э-э-э... — не ожидал я. — А когда ты собираешься?

Роберт отвёл глаза от камеры, что-то прикинул в уме и выдал:

— Сегодня уже не успею, значит, завтра или послезавтра. Посмотрим, как получится с билетом.

С огромным усилием я сдержал удивление, скрыв его за напускным панибратством:

— Ну и правильно! Что тянуть? Приезжай, поживёшь у меня.

— Хорошо, — поблагодарил Роберт. — Как куплю билет, сообщу тебе.

Мы обменялись телефонами и адресами, которые могли понадобиться, чтобы друг с другом встретиться, и попрощались.

— Сюрприз, — сказал я, присвистнув, когда закрыл ноутбук.

Я не из тех, кто с лёгкостью пускает в свой дом хипстеров-пилигримов, но Роберт — особенный незнакомец.

Ещё в тот вечер, когда я впервые увидел видеоролик про сумасшедшего студента со странной книгой, я понял, что у этого парня есть чему поучиться. Мне даже польстила неожиданная возможность принять такого гостя. Хотя, что удивляться внезапности? За три месяца он выходил на связь с трёх разных континентов. Пора бы привыкнуть к его подвижности.

О Роберте я знал только то, что прочитал в его биографии на сайте исследовательского проекта. К своим двадцати пяти годам он уже побывал в тридцати странах, выучил три языка без учёта родного английского и опубликовал несколько больших статей о путешествиях. Этого скупого описания мне хватило, чтобы причислить Роберта к людям, с которыми нужно общаться и у которых нужно перенимать лучшие черты.

Мне тоже хотелось с лёгкостью срывать с места и колесить по всему миру, но я так не делал: вместо того, чтобы предвкушать новые впечатления, я упорно представлял трудности с деньгами, транспортом, проживанием. Когда привык к своему маленькому миру, сложно делать шаги за его границы.

Только оказавшись в ином измерении, я со стороны посмотрел на действительность, в которой жил. Как же она мала! А ведь я считал себя человеком, который постоянно развивается и совершенствуется.

В приезде Роберта я увидел шанс изменить жизнь, но я и представить не мог, как сильно она перевернётся.

Глава 4. Первое свидание

«Через сутки-двое прилетит Роберт, — свыкался я с новостью, пока собирался в университет. — С чего это он сорвался в гости?»

Догадки не хотели укладываться в голове, и я бросил бесполезные рассуждения. Приедет — узнаю. В конце концов, мне предстояло куда более важное дело, чем встреча приятеля из-за океана: нужно поговорить с Кариной!

От этой мысли тело пробрал озноб.

Вчерашний мимолётный диалог оказался фитилём, который медленно горел целые сутки и только сейчас довёл искру до заряда. «Джай, у тебя ручка есть?» — вспоминал я слова Карины, и меня вновь окатывала волна любви, заполняя грудь неизвестным жгучим чувством.

По расписанию сегодня были две лекции. На первую — культурологию — собирались студенты со всего курса. Значит, надо приехать заранее, чтобы подловить Карину перед парой.

Быстрые сборы, завтрак на ходу, автобус — и вот я в университете.

Прошло только полтора часа после разговора с Робертом, а я уже напрочь о нём забыл. Опершись о подоконник перед входом в большую аудиторию, я поджидал Карину. Тут не до параллельных измерений: в своём бы не опозориться! Внешне спокойный и уверенный, внутри я трясся: казалось, с каждым ударом сердца организм впрыскивал в кровь дополнительную порцию волнения, как будто бы я замыслил что-то противозаконное и ужасное.

«Другого выбора нет, — успокаивал я себя. — Ходить вокруг да около — не вариант. Ничем же не рискую. В худшем случае она просто рассмеётся мне в лицо, и всё закончится».

Логика, которой я себя подбадривал, помогала слабо. Чтобы перехватить Карину, я проторчал перед аудиторией минут тридцать, но текли они так долго, что могли сойти за два часа. Чем дольше ждёшь, тем страшнее становится.

Мимо проходили студенты, одни приветственно кивали, другие здоровались, протягивая руку, и я с трудом сдерживался, чтобы не выдать дрожь в рукопожатии. Некоторые одноклассники подходили и интересовались, как я себя чувствую, — позавчера я охотно

всем рассказывал, что пятничное таскание парт дорогого стоило. О быстром исцелении я, конечно же, умолчал, чтобы не скрашивать тяжёлую студенческую ношу.

«Что ж вы вчера не спрашивали, когда у меня было море времени для болтовни?» — недовольно думал я, вежливо спроваживая незваных собеседников.

А один вообще остановился и заговорил о погоде. О погоде!

«Да что с вами?» — свирепел я, как вдруг увидел вдалеке Карину, идущую в компании двух подруг.

— Слушай, я тут кое-кого поджидаю, поэтому давай на паре поговорим, — сказал я навязчивому приятелю, не отводя взгляда от приближающихся девушек.

Тот хотел развернуться, чтобы увидеть, кого я жду, но я аккуратно придержал его за плечи и лёгким толчком направил в сторону аудитории, похлопав по спине:

— Займи мне место, я скоро подойду! — кинул я вслед, хотя через секунду уже забыл лицо этого любителя природы.

Карина заметила меня издали и, пока приближалась, не сводила с меня глаз, хоть и продолжала беседовать с подругами. Как будто почувствовала что-то неладное.

— Привет! — сказала она, поравнявшись со мной.

В ту секунду я был готов поклясться, что узнал, как звучит сама нежность. Её «привет!» разнёсся по моей груди и одним щелчком изгнал всякий страх.

— Привет, — ответил я. — Помнишь, ты вчера у меня брала ручку? Я хотел об этом поговорить.

Если она сейчас влепит мне пощёчину, я ей только спасибо скажу: за такое тупое начало разговора надо жестоко наказывать. Увы, ничего вразумительнее я сформулировать не смог. Мысли попрятались по углам головы, оставив меня наедине с бессловесными чувствами и вчерашними воспоминаниями.

Карина повернулась к подругам:

— Займите мне место, я сейчас подойду, — попросила она.

Те смерили меня взглядом, расплылись в улыбке, покровительственно кивнули и удалились.

Потом она повернулась ко мне, усмехнулась и, понизив голос, спародировала мафиозного босса из прошлого века:

— Ты у меня брала ручку, — причмокнула она. — За это нужно ответить!

Мы рассмеялись, и она продолжила:

— Что ж, давай, выкладывай. От ручки теперь духами несёт, и я должна тебе новую?

Её ирония нещадно испытывала мою решительность, но я не сбился с курса:

— Пока не нюхал, но теперь обязательно это сделаю, — ответил я. — С этого дня в мире станет больше на одного извращенца, нюхающего ручки.

Карина хихикнула, а я быстро продолжил, чтобы не терять динамику:

— Но поговорить хотел не об этом. Просто вчера было странно: ты вроде всего лишь просила ручку, а сказала гораздо больше, и я потом весь день только об этом и думал. Понимаешь, о чём я?

Фраза получилась кривой и прямой одновременно. Слова шли не из головы, а из глубины тела, рождаясь где-то внизу живота, и, как по столбу, поднимались до кончика языка. Как извергающийся поток лавы, звуки вырывались из горла и жгли стереотипы общения. Карина не ожидала подобного и несколько секунд молчала, не находя что ответить.

Справившись с замешательством, она вернула прежнюю уверенность и иронично спросила:

— И что же я тебе такого наговорила?

Что-то горячее разлилось в моей груди. Встречный вопрос оказался откровеннее любого ответа. Теперь я точно знал, что ручка была лишь поводом. Девушки и правда умнее парней: если бы мне хватило мозгов, я бы уже давно проделал с Кариной точно такой же трюк вместо того, чтобы просто на неё смотреть и думать, как она хороша.

Я ощутил себя настолько свободно, что захотелось унести с Кариной в небо.

— Я ещё не всё расшифровал, — деловито начал я, — но, по-моему, ты вчера хотела сказать, что не прочь сегодня прогулять культурологию и вместо неё сходить в парк.

— Ого! — не сдержалась Карина от удивления. — Вот это заявление!

Она издала смешок из разряда «ну и наглец же ты!». Улыбаясь, внимательно смотрела на меня, делая вид, что размышляет, но я понимал: она прислушивается к своим чувствам, проникая ими сквозь меня.

Доверится или отступит?

Как ни странно, в это мгновение мне было всё равно: я совершил действие, непродуманное, но уверенное, и дальше будет что будет.

— Я что, ошибся в расшифровке? — усилил я напор.

Не спеша с ответом, она расплылась в довольной улыбке:

— Не ошибся.

Затем она вдруг оживилась, быстро посмотрела по сторонам на убывающий поток студентов и, поманив меня к выходу, заговорщически сказала:

— Тогда нужно отсюда выбираться, пока культуролог не пришёл.

— В парк! — шепнул я для усугубления запретности, хотя мог бы и крикнуть, и всем вокруг было бы всё равно.

— В парк! — тоже шёпотом подтвердила Карина.

Добавив наигранной скрытности походкам, мы пошли к выходу в университетский сад, чтобы через него пройти в городской парк.

За первым же углом мы чуть не столкнулись с профессором культурологии. К счастью, тот увлечённо смотрел в свой телефон и нас не заметил. Подождав, пока он скроется из виду, мы разразились хохотом, собрав много недоумённых взглядов опаздывающих на лекции студентов. Ещё минута быстрого шага — и яркое солнце подхватило наш смех: мы оказались в саду, примыкающем к большому городскому парку.

Одной лекцией не обошлось: в жертву принесли и вторую. Гуляли часа три, и за это время я окончательно сроднился с местными аллеями, тропинками, скамейками, мостиками и смотровыми площадками — парк всегда мне нравился, но эта его часть раньше не казалась настолько уютной. Может, я просто не бывал здесь в правильной компании.

Мы с упоением разговаривали обо всем, и та искренность, с которой начали беседу, быстро научила нас чувствовать друг друга. Не было привычной в таких случаях игры: мы не создавали себе образы, а открыто говорили о том, что ощущали и переживали, не пытаясь скрасить свои черты и взгляды.

Я удивлялся, насколько мои прошлые представления об общении мужчины и женщины были отравлены социальными стереотипами. Кому нужны эти шаблоны «подкатил-позаигрывал» с кучей

рассуждений, когда можно вот так просто обмениваться внутренними состояниями?

Даже когда мы молчали, глядя на купающихся в озере уток, мы внимательно слушали друг друга. Всем телом я ощущал наше незримое взаимодействие, как будто волны всецелого принятия размеренно качались между нами из стороны в сторону. Я не разделял нас на мужчину и женщину, не отождествлял Карину с её внешностью или словами: я восторгался самим фактом её существования и возможностью чувствовать с ней единение.

Случайно вспомнил, как смотрел на неё до этой прогулки: каким же я был пошляком! Ноги, грудь, лицо, весёлая, добрая, умная — мне нравилась не Карина, а общепринятый шаблон привлекательности, который я на неё наложил.

«Умная и красивая» — дурацкая внешняя оболочка, поклонение которой пропагандируется в социуме. А тут передо мной *настоящая* Карина, прекрасная и живая, без сравнительных характеристик, изначально великолепная во всём.

— Ты считаешь себя красивой? — спрашивал я, пока мы сидели на скамейке, смотря на озеро.

— Конечно, — ответила она. — Это тебя утки на вопрос натолкнули? Если что, у них всё наоборот: самцы — яркие разноцветные пижоны, а самки — неприметные коричневые тихони.

— А почему «наоборот»? — уцепился я за аналогию. — Нас, самцов, хлебом не корми — дай повыпендриваться. Хочешь сказать, ты тоже пижонка?

— Да, наверно, — улыбнулась она. — Я люблю внимание, но только если я на коне. Если лажаю, сгораю от стыда, когда меня кто-то видит.

— И когда ты так последний раз лажала?

Карина немного призадумалась и воскликнула:

— Да вчера на семинаре! Препод спросил, кто может сходить на кафедру за раздаточными материалами. Я сразу вызвалась — люблю всё, что делает пары поживее.

Она посмотрела вдаль на уток и улыбнулась, как мошенница после удачной аферы:

— Меня в нашей группе считают фифой-отличницей, потому что я часто вписываюсь в подобную фигню: сделать доклад, поучаствовать в конференции, помочь преподавателю. Я активно поддерживаю такую репутацию: пусть думают обо мне всё что угодно,

лишь бы не хватало первыми интересные задания от преподавателей, иначе учёба превратится в скукотищу. А так теперь, когда нам что-то предлагают, народ сначала ждёт, вызовусь ли я, — очень удобно. Люди не понимают, что смысл университета не в лекциях, а в том, чтобы научиться общаться на разные темы с разными людьми. Дополнительные задания для того и нужны: перед одними людьми выступишь, с другими поспоришь, а с третьими просто познакомишься и поболтаешь.

Я тоже всегда отсиживался, считая себя самым хитрым. Думал: «Пусть на лишнюю работу кидаются заучки, у которых нет личной жизни». Мне и в голову не приходило, что задания помогают упражняться в деловом общении и заводить полезные знакомства.

— В общем, пошла я на кафедру, — продолжила Карина историю своего фиаско. — Там две лаборантки. Я говорю: «Дайте материалы для такого-то преподавателя», — и называю фамилию. У них там есть ячейки, куда преподаватели скидывают раздатку и проверенные работы, чтобы через лаборантов передавать студентам. Девочки смотрят — в ячейке раздаточных материалов нет. Поискали рядом на столах — тоже ничего. Я вернулась в аудиторию уточнить у семинариста, где именно лежат материалы. Он говорит: «Должны быть в ячейке. Я вчера их передавал лаборантке». Я снова пошла на кафедру, закошмарила там девочек, но они так и не смогли ничего найти. Вернулась в аудиторию с пустыми руками и сказала, что лаборантки глупые, поэтому ничего мне не дали. Преподаватель удивился, пошёл сам и возвратился с раздаткой и вопросом: «А вы точно на моей кафедре были? Девушки сказали, к ним никто не заходил». Оказалось, что я, такая деловая, завалилась не на ту кафедру, где есть преподаватель с такой же фамилией. Я даже предмет не назвала — а ведь тогда было бы сразу понятно, что пришла не туда. Зато права качала, как заправская адвокатша. Мы на семинаре, конечно, посмеялись, но мне было реально стыдно.

Рассказав историю, Карина тоже заинтересовалась, считаю ли я красивым себя. Я хотел выдать что-то замусоленное, в духе «красота мужчины в его делах», а потом подумал: «Да кого я тут собираюсь обманывать?»

— Да, считаю, — ответил я и усмехнулся. — И даже если кто-то с этим не согласится, мне наплевать. Я-то лучше знаю.

— Замечательно! — воскликнула она. — Ты прошёл испытание и стал полноправным членом клуба зазнаек!

Мы захохотали так, что несколько уток отлетели от нас по-дальше.

Как же здорово говорить без фальши – из сердца сразу на язык! В груди воспламенилась искренность и быстро растопила толщи интеллектуального льда: когда по-настоящему хочешь узнать другого человека, сразу перестаёшь умничать.

Затем огонь искренности выпарил поверхностные эмоции и показал, с чего начинаются глубокие чувства. Мы не просто перебра-сывались фразами: я окутывал своими ощущениями Карину, а она обволакивала своими меня.

Так прошли три фантастических часа, вобравшие в себя годы удовольствия. Я чувствовал каждое мгновение и наслаждался им. Из моей груди истекал поток тепла, заполняя всё вокруг. А когда он встречался с горячими лучами, льющимися из сердца Карины, я за-ходил в приступе радостного подъёма, резонирующего во всех клетках тела.

Мы попрощались в начале четвёртого. Телефонами обменялись, а договариваться о следующей встрече не стали: зачем торопиться с планами, если прямо сейчас ты счастлив? Мне хотелось прочув-ствовать текущий момент, а не уводить внимание в ожидание буду-щего. Думаю, Карине тоже, поэтому, выйдя из парка, мы просто по-смотрели друг другу в глаза и, улыбаясь, сказали: «До завтра!»

До дома можно доехать на автобусе, но погода слишком хоро-ша, чтобы не пройтись по мягкому солнышку.

По пути я увидел вывеску овощного магазина и вспомнил, что иду к пустому холодильнику, поэтому зашёл прикупить еды: как раз на днях нашёл несколько рецептов, как готовить кабачки, цветную капусту, тыкву и свёклу.

Стоя перед витриной с продуктами и листая в телефоне заметки с рецептами, я краем глаза увидел голые ноги на высоких каблу-ках. Вместо того, чтобы перевести взгляд и полюбопытствовать, чьи это ноги, я отвернулся в другую сторону, дабы никто не мешал мне разбираться, какие специи нужны к кабачкам. Через несколько се-кунд я отвлёкся от экрана и призадумался:

«При выборе „голые ноги – полезные рецепты“ я без колеба-ний выбрал второе. Какой кошмар! Мне же только двадцать один, а не шестьдесят!»

Я быстро взял себя в руки и заставил посмотреть на девушку: ну да, мини-юбка, обтягивает. Вот только на ней не написано, как

запечь тыкву, чтобы она получилась похожей на изумительный торт, так что, юбка, не мешай — я по рецептам.

Я не сомневался, что увлекусь готовкой в моём возрасте — признак старения, и всё равно не собирался отказываться от этого преждевременного интереса: пусть он будет моим постыдным удовольствием, которое я сохраню в тайне.

Впрочем, что тут такого? Отношения с едой намного интимнее, чем с девушками. Во-первых, ем я трижды в день, а то и чаще, что уже бьёт мои лучшие рекорды близости. А во-вторых, еда, попадая в организм, перерабатывается и становится мной — такого единения я не испытывал ни с одной девушкой. Разве что на горизонте появилась Карина, которая так прекрасна, что может нарушить гегемонию еды по всем пунктам, но пока это только гипотеза.

До недавнего времени я считал, что тело — лишь оболочка, эдакое хранилище чего-то большего, вроде заряда неизвестной энергии или того, что называют душой. Конечно, я уделял внимание здоровью, избирательно подходил к еде, тренировал мышцы, но делал это без уважения и любви.

К примеру, с детства я знал: чтобы нравиться девочкам, нужно быть крепким и сильным. Позже, в юности, мне рассказали, что нужно следить за своим здоровьем и одеваться по погоде, чтобы быть модным и современным. И ещё все кругом твердили, что я проживу долго и счастливо, только если буду правильно питаться и избегать вредных привычек. Вот я и выполнял предписания социума, потому что *так надо*.

Когда я начал изо дня в день повторять упражнения и записывать наблюдения за телом, то посмотрел на свой организм иначе и со временем стал тоньше чувствовать, как он реагирует на еду, эмоции, людей, идеи и решения. Оказалось, у тела на всё есть собственное мнение, порой не совпадающее с моими рассуждениями и уж тем более идущее вразрез с тем, что принято в социуме за среднюю норму.

Тело превращалось в комплексный многоуровневый сенсор, в детектор ложного и истинного. Я увидел своё тело не как что-то отдельно взятое, не имеющее ничего общего с настоящим мной, а как незаменимую и крайне важную часть себя. А когда впервые скакнул сознанием в другое измерение, то важность плоти стала совсем очевидной: я там хоть и не ощущал рук и ног, но видел тело как проводник энергии, поддерживающей жизнь.

Жажда разобраться нарастала.

«Какая связь между переходом в другой мир, упражнениями по книге и чувствами к Карине?» — мысленно спрашивал я то ли себя, то ли овощи, которые рассматривал на полках магазина.

Решил, что вечером отправлюсь за ответом в измерение, где меня так неприветливо приняли. Пока придумывал план, как это сделать, купил продукты и принёс их домой. Идти голодным в гости в другой мир неразумно, поэтому я неспешно приготовил ужин, продолжая размышлять, как пойдёт беседа с чёрными пятнами в этот раз. Еда вышла вкусной: съел огромную тарелку тушёных овощей, изрядно политых маслом и заправленных сметаной.

Объелся. Придётся полежать на левом боку, чтобы быстрее переварить, а потом уж в путь по другим измерениям.

Подумано — сделано. И вот я уже лежу на диване, поглаживая переполненный живот, который перетягивал на себя всё моё внимание.

Прошло немного времени, как вдруг я услышал тихий звук, идущий от входной двери: кто-то снаружи вставлял ключ в замочную скважину!

Родители? Без предупреждения?

Ключ в замке дважды провернулся, и дверь начала открываться. От неожиданности я вскочил на ноги и замер, не в силах ни закричать, ни шелохнуться — только ждал в изумлении и наблюдал.

Дверь распахнулась, и в квартиру вошла... Карина!

Я стоял неподвижно, не понимая, что происходит, но при виде Карины почему-то успокоился.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, внимательно следя за её движениями.

— То же самое хотела спросить тебя, — недовольно ответила она, заметив мой пристальный взгляд.

— Не ожидал увидеть тебя снова, — подозрительно сказал я.

Мой голос был на удивление грубым, как будто сегодня и не было восхитительного свидания.

— Я только возьму что нужно и уйду, — холодно произнесла она.

Теплоты в её словах не чувствовалось. Я тоже не щеголял галантностью и решительно потребовал:

— Собираешься объяснить, что происходит?

Карина посмотрела мне в глаза, и в её взгляде я прочитал глубокою усталость:

— Я тебе уже сто раз объясняла: ты уже не можешь отличить фантазию от реальности. А жизнь проходит, Джай! — она повысила голос. — Ты, как баран, уставился на новые ворота и ничего не делаешь.

От возмущения я набрал побольше воздуха в грудь и сразу начал с крика:

— Да что ты несёшь?!

Собираясь отвесить оскорблений, я вдруг заметил, как вокруг меня и Карины сгустились два роя из тысяч тёмных пятен. Рои кружились вокруг головы, шеи, груди и живота. Прошла секунда — и тысячи свирепых существ бросились в голодной ярости, чтобы растерзать нас в клочья! Я отчаянно замахал руками и в ужасе вскочил с дивана.

— Дварки! — запыхавшись, выпалил я.

В тёмной комнате никого не было.

Я уже понял, что уснул и увидел сон, но чувствовал, что там были именно *они*. И теперь я знал, как их зовут.

Долгое время не мог уснуть, несмотря на то, что сильно устал. Я постоянно прокручивал в памяти воспоминание, как тысячи дварков вгрызаются в плоть и разрывают меня изнутри. Я пытался забыть увиденное, убедить себя, что это сон, но ощущения в теле не пропадали, как будто всё происходило в действительности. Страх не позволял списать пережитое на разбушевавшееся воображение.

По всей квартире я зажёл свет и занавесил шторы, затем несколько раз перепроверил входную дверь, для надёжности даже подперев её стулом. Любой шорох заставлял меня тянуться к табуретке: в случае чего буду отбиваться ею изо всех сил. Чтобы не колыхались шторы, я закрыл окна и форточки, но очень скоро стало так невыносимо жарко, что пришлось снова их открыть. Записывать ощущения в ту ночь я не рискнул: казалось, что, если письменно сформулирую воспоминания, дварки полезут прямо из бумаги.

Я не переставал думать, при чём же здесь Карина и как она связана с этими безжалостными тварями. И откуда в моей голове прозвенело слово «дварки»?

Какой же кретин придумал, что сон — это только проекция наших подсознательных мыслей? Чёртов неуч! Посмотрел бы я на него, окажись он на моём месте!

Помимо страха подмешался и стыд. Пришлось признаться самому себе: сразу после пробуждения мне было безразлично, что случилось с Кариной. Когда на неё напал рой, меня заботила только собственная безопасность.

Приступ эгоизма наглядно показал, что своя жизнь важнее любой другой. А ведь я воспитывался на книгах и фильмах, в которых главные герои так и норовили пожертвовать собой во имя идеи или соплеменников. Где же подвох? В моих чувствах или в действиях обманутых глупцов?

Вопросов — море, но я решил не искать ответы: найду потом. Сейчас стояла задача поважнее: надо срочно придумать, как перестать бояться и накручивать себя на пустом месте — ничего ведь не произошло! Тогда почему же так страшно, что аж коленки трясутся?

Рецепт от страха нашёлся — надо забыться.

В качестве лекарства от беспокойства я принёс из спальни ноутбук, снова разлёгся на диване, накрылся пледом и стал смотреть сериал, к которому возвращался, когда хотел убить время. Несколько следующих часов перед экраном стёрли переживания, и к утру, как только рассвет стал пробиваться в комнату через закрытые шторы, я уснул.

Меня разбудил неожиданный звонок телефона, на который я спросонья ответил, не посмотрев, кто звонил. Бодрый мужской голос из динамика что-то говорил на фоне звука взлетающего самолёта. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разобрать английскую речь:

— Алло! Повторите, я ничего не понял, — сказал я хриплым голосом.

— Джай, это Роберт! — донеслось из трубки. — Я только вышел из самолёта. Через полчаса поеду из аэропорта к тебе. Ты где-нибудь меня встретишь? Не знаю, сколько до тебя ехать.

Я не смог себе объяснить, как получилось, что Роберт уже оказался неподалёку, ведь мы говорили с ним, казалось бы, всего несколько часов назад, но нужно было отвечать:

— Да! Подъезжай в кафе «Два ломтика»: Парковая улица, дом сорок три или сорок пять. Запомнишь или тебе написать?

— Запомню. Увидимся! — подтвердил Роберт и повесил трубку.

Что за человек-пуля? Уже через океан перелетел, а я даже штаны не успел снять: спал на диване в одежде.

Я разозлился на Роберта: он обещал предупредить, когда купит билеты, а сам ничего не написал. Проверив телефон, я разозлился на себя — от Роберта висело непрочитанное сообщение, которое он прислал ещё вчера утром вскоре после нашего разговора:

«Купил горящий билет по скидке, уже вышел из дома. До завтра!»

Под сообщением несколько смайлов и данные рейса.

Почему я не увидел? Потому что сначала клеил Карину у аудитории, а после забыл обо всём на свете. В голове мелькнули кадры вчерашнего свидания, и мою досаду как рукой сняло: я прикрыл веки, чтобы насладиться воспоминаниями, но через пять секунд вдруг дёрнулся и снова распахнул глаза: надо же срочно вставать и ехать к Роберту!

Сев на диван, чтобы полминутки отдохнуть после сна, я окинул взглядом комнату. Рядом — перевёрнутая вверх ногами табуретка. Все лампы и люстры в квартире включены. Шторы закрыты, но пробивающиеся через них лучи солнца побеждали электричество, а это значило, что уже далеко за полдень.

Глядя на табуретку, я восстановил в памяти вчерашний вечер с приснившимся кошмаром и последующим сериальным видеомарафоном. И чего я испугался? Безобидного сновидения? Смешно! Умиляясь своей наивности, я посмотрел на часы и убедился, что проспал не только прилёт Роберта, но и сегодняшние пары. Ладно, ничего страшного, обойдутся без меня.

А ещё часы напомнили, что уже время обедать, а я даже и не завтракал. Что ж, не зря я на автомате договорился встретиться с Робертом в кафе: эту идею я придумал заранее, и здорово, что после шальной ночи она всплыла в голове.

Не знаю, что больше меня мотивировало на сборы: скорая встреча с удивительным человеком или перспектива хорошенько поесть в кафе. Я знал одно: оставшаяся половина дня теперь точно будет фантастической.

Глава 5. Встреча в кафе

До «Двух ломтиков» от меня идти всего пятнадцать минут, поэтому собирался я спокойно, попутно расставляя и раскладывая вещи по правильным местам: надо же хоть как-то подготовить квартиру для принятия гостя.

«Для встречи мужика уже достаточно, — оценил я наведённый порядок. — Хорошо, что Роберт — не моя мама и не девушка, иначе бы полдня пришлось всё драить».

На улицу я вышел вдохновлённым и весело зашагал к условленному месту.

Настроение замечательное!

После бессонной ночи я долго спал в забытьи и отдохнул прекрасно, поэтому смотрел по сторонам и радовался всему: лучам солнца, приятно греющим лицо, детям, играющим в шумные игры, прохожим, которые казались особенно добрыми и приветливыми. Я будто впервые вышел из квартиры: тут и прелестные причудливые деревья, растущие вдоль тротуаров, и изумительные кованые балюстрады на балконах старинных домов, и изящные подвесные горшки с разнообразными цветами. А птицы пели так, что, казалось, нет ничего великолепнее их звучных мелодичных трелей.

«А ведь всё это появилось здесь не за одну ночь, — подумал я. — И почему я раньше не замечал красот, мимо которых ходил каждый день?»

Цвета вокруг стали ярче и насыщенней. Такие перемены очень нравились, и я сиял безграничным удовольствием от всего видимого и слышимого.

Созерцая прекрасное в привычном, я дошёл до кафе.

Роберт ещё не приехал, и я сел подождать его за столиком на летней веранде. Тут же появился официант с меню, но я сказал, что дождусь друга, прежде чем что-то заказать.

Минут через двадцать к кафе подъехало такси, и из него вышел Роберт. Таксист, не говоривший по-английски, молча помог достать из багажника чемодан, бросил заморскому пассажиру неловкое «гудбай» и поспешил на следующий вызов. Не зная, надо ли при такой встрече обниматься, я просто радостно поприветствовал го-

стя рукопожатием и повёл его внутрь кафе — на летней веранде было шумновато из-за дороги.

— Давай сначала выберем обед, — предложил я. — Я сегодня ещё ничего не ел. А ты?

Это означало: «Мне жутко интересно, зачем ты прилетел, но не могу же я сразу наброситься с расспросами».

— Меня дважды кормили в самолёте, — ответил Роберт. — Вкусно, но мало. Так что я тоже проголодался.

А это значило: «Я понимаю, что ты в шоке от моего прилёта, и всё объясню. Только для начала выдохни».

Листая богатое меню «Двух ломтиков», мы заговорили о еде. Так я узнал, что Роберт любит острое, не любит слишком сладкое, с удовольствием ест рыбу и птицу, но после Индии совсем перестал есть говядину.

— Коровок жалко? — иронично спросил я.

— Да всех жалко, — усмехнулся Роберт. — И барашков, и курочек, и рыбок тоже. Но с коровами и быками связаны разные индийские легенды. Я наслушался их вдоволь, и теперь что-то на говядину не тянет. Хотя подсунет повар вместо одного мяса другое — я, наверно, даже и не замечу.

От Роберта не веяло той нарочитой «всеправильностью», которая прослеживалась в других знакомых путешественниках. Когда узнал и увидел больше остальных, всегда есть соблазн погрузиться в чувство собственного превосходства. В таких случаях человек либо сыплет примерами, как он добивался-преодолевал-побеждал, либо снисходительно твердит: «Что вы! Я такой же, как все». Противны оба варианта. У Роберта такого не было: он неутолимо жаждал познавать новое и не успевал задуматься о масштабах накопленного опыта, легко превращающего скромного человека в высокомерного умника.

К нам подошла официантка, и мы сделали заказ. Я порадовался, что обслуживать нас будет не тот парень с веранды, лицо которого выражало «жрите быстрее и валите отсюда», а приветливая девушка, которая показалась особенно радушной. А ещё она понимала английский, и я с облегчением подумал, что хотя бы здесь мне не придётся работать переводчиком.

Роберт дождался, когда девушка отойдёт от столика, наклонился ко мне и тихо спросил:

— Тут принято заигрывать с официантками?

— Как и везде, — ответил я. — Хочешь — заигрывай, мне-то что?
— Я не о себе, — засмеялся Роберт. — Это же ты ей наговорил что-то, отчего она растаяла. Я не понял ни слова, но точно знаю: одним заказом дело не обошлось.

— Я всего лишь был любезен, — отмахнулся я. — Сказал, как здорово, что она нас обсуживает. Ну и добавил, что хорошо выглядит. Комплимент услышать — ещё не повод девушке думать, что её вот-вот пригласят на свидание.

— Нравы понятны, — шутя подытожил Роберт.

— Ничего тебе не понятно. Просто я сейчас сияю радостью и удовольствием.

— Тебя так мой приезд осчастливил?

— Не обольщайся. Думаю, секрет в другом: сегодня ночью мне приснилось такое, отчего я чуть штаны не обмочил. Прямо как ты!

Роберт закатил глаза и улыбнулся:

— Ты теперь каждый день будешь это вспоминать?

— Пока да, прости. Очень уж впечатлил твой рассказ. Да и истории, которые со мной начали приключаться, сами напоминают об этом. И ты, похоже, понимаешь, о чём я, раз так неожиданно прилетел. Вряд ли ты примчался, чтобы просто супа хлебнуть в «Двух ломтиках».

Я исподлобья посмотрел на Роберта. Тот загадочно улыбался:

— Да уж, вряд ли, — кивнул он и уже хотел что-то добавить, как вдруг перевёл взгляд вдаль через окно.

Я повернул голову и тоже всмотрелся в улицу: там двое полицейских со служебной собакой останавливали прохожих и проверяли их металлодетекторами. Роберт подозрительно поглядел на стоявший рядом чемодан.

В одно мгновение ситуация стала напряжённой.

Я не осмеливался спросить Роберта, чего он опасается, а он всё наблюдал, как полицейские за окном досматривают людей, постепенно приближаясь к дверям «Двух ломтиков».

— Ни разу не видел, чтобы у нас на улицах вот так кого-то останавливали, — произнёс я, извиняясь за городские власти. — Наверно, произошло что-то серьёзное.

И тут Роберт по-настоящему меня напугал:

— Если зайдут в кафе и подойдут к нам, молчи и делай всё, что они потребуют, — сказал он безапелляционным тоном. — В случае необходимости я сам буду говорить.

Услышав такое, я сразу почувствовал дрожь в коленях и пальцах рук. Ну и гостя я пригласил! Что у него в чемодане? Наркотики, оружие, контрабанда или всё сразу? Я живо представил, как мне заламывают руки и везут в полицейский участок, там допрашивают и обвиняют в соучастии в страшном международном преступлении.

В этот момент, несмотря на паническое состояние, я успелобразить, что всего минуту назад ощущал себя совсем по-другому и что на самом-то деле ещё ничего не произошло. Но страх уже поглотил. Я всегда считал себя человеком рациональным и взвешенным, поэтому такие внезапные перепады эмоций стали неожиданным сюрпризом.

Силы и уверенности для ответа я не нашёл. В то же время мне было просто необходимо выплеснуть напряжение, поэтому я отыскал взглядом официантку и крикнул ей с досадой и даже раздражением:

— Девушка, можно вас?

Услышав в моём голосе недовольство, официантка поспешила к нашему столику, едва скрывая удивление. Её недоумение легко понять: только что я был так учтив и добр, а теперь рявкаю, как пёс, хотя за это время ничего не изменилось.

— Что-то случилось? — заботливо спросила она, глядя мне в глаза.

Я был обезоружен.

Её искреннее желание понять, чем я огорчён, поставило меня в неловкое положение. Я почувствовал себя свиньёй за то, что без причины хотел вывалить на девушку злобу и тревогу, с ней совершенно не связанные. Я вдруг осознал простую истину: люди, которые срываются на официантов, кассиров, продавцов, дворников, газонокосильщиков, заправщиков, делают это от безысходности и собственного глубокого несчастья. Чтобы хоть где-то увидеть своё превосходство, агрессоры атакуют людей, которые играют социальную роль, не подразумевающую ответный выпад. От такого откровения я забыл о страхе, смягчил голос и снова улыбнулся:

— Нет, ничего не случилось. Просто хотел добавить чёрный чай для двоих, но не сразу, а после еды.

Девушка тоже заулыбалась в ответ и, подтвердив заказ, радостно ушла.

Только я избавился от нахлынувших переживаний, как дверь в кафе открылась, и в зал вошли двое широкоплечих полицейских с большой немецкой овчаркой. Навстречу им вышел управляющий, и один патрульный сказал ему несколько негромких слов. Тот кивнул в ответ и развернулся в сторону зала:

— Уважаемые гости, — громко проговорил управляющий, обращаясь к посетителям кафе. — Эти любезные офицеры осмотрят наше уютное место. Не обращайтесь внимания, это просто проверка.

Уловив в зале напряжение, он добавил:

— И, пожалуйста, не предлагайте лакомства мохнатому гостю — он ведь на службе.

Шутка разрядила обстановку, многие посетители заулыбались и перестали замечать людей в форме. Кто-то вслух умилялся служебной собакой, которая спокойно проходила между столами и стульями, ведомая строгим хозяином. Проходя мимо нашего столика, она на секунду задержалась, понюхав чемодан Роберта. Моё сердце заколотилось и дыхание замерло, но я тут же с облегчением выдохнул, когда собака пошла дальше. За две следующие секунды я успел посмеяться над своей мнительностью, мысленно извиниться за недоверие перед Робертом и приготовиться рассказать ему о своих нелепых предубеждениях. Но вдруг я услышал голос:

— Молодой человек, это ваш чемодан?

От таких слов я должен был испугаться в свете моих предположений и бурной фантазии, но вместо испуга почувствовал, как пространство вокруг моего тела зашевелилось, будто кто-то коснулся меня невидимой рукой. Подняв голову, я наткнулся на холодный взгляд, вроде и обычный, но какой-то неправильный: он шёл не *из* глаз, а *из-за* них, начинаясь где-то за затылком полицейского.

— Это ваш чемодан? — повторил патрульный, насторожившись от моего молчания.

Я не проронил ни слова: всё моё внимание оказалось поглощено необычной природой взгляда, пристально меня изучавшего. Выручил Роберт:

— Это мой чемодан, — сказал он непринуждённо.

Оба патрульных повернулись к нему. Собака села рядом с ними, безучастно наблюдая за диалогом. Один полицейский представился и попросил предъявить паспорт. Я вспомнил, что с собой у меня только студенческий билет, но интерес ко мне уже остыл. Встань я и уйди в тот момент — никто бы не оклик-

нул. А вот паспорт Роберта послужил поводом для новых вопросов:

– Давно прилетели?

– Несколько часов назад, – спокойно ответил Роберт.

– В гости? – сержант кивнул на меня.

– Нет, – ответил Роберт, чем меня удивил. – Скорее, на поиски материалов для моей новой книги о путешествиях.

Полицейский о чём-то задумался и перевёл взгляд на чемодан.

– А где вы остановились? – спросил он после паузы.

– Пока нигде – только приехал из аэропорта. Но думаю остановиться в хостеле здесь неподалёку, – Роберт сделал размашистый жест рукой, показывая на улицу за окном. – Люблю такие зелёные улицы. Красиво тут!

Видя, что сержант продолжает внимательно рассматривать чемодан, Роберт добавил:

– Или здесь беспокойно и лучше остановиться где-то в центре? Как считаете?

Лицо полицейского перекосило от недоумения. Взгляд, казавшийся раньше замутнённым, вдруг сфокусировался и упёрся в глаза Роберта.

– У нас весь город спокойный и тихий, – сказал полицейский строго и даже с вызовом, но, встретив открытую и дружелюбную улыбку Роберта, неожиданно добавил, возвращая документы: – Только здесь из-за парка цены выше. Если хотите сэкономить, выберите окраину: зелени не меньше, зато вдвое дешевле.

Разворачиваясь к выходу, патрульный добавил:

– Не забудьте оформить документы, если останетесь в стране дольше, чем на месяц. Хорошего отдыха!

После разговора с Робертом полицейские пошли на улицу, больше никого не проверяя.

Я ошеломлённо смотрел на закрывшуюся со звоном колокольчика дверь кафе, с трудом веря, что всё закончилось так быстро, без досмотра и сотен вопросов. Подошла официантка и аккуратно поставила перед нами тарелки с обедом.

Мы молча начали есть.

Мне было неловко высказать Роберту возникшие подозрения, ведь в итоге ничего не произошло, но вопросов в голове с каждой секундой становилось всё больше.

– Ничего странного не заметил? – заговорил он через минуту.

Я обрадовался, что беседа продолжилась не с моей подачи, и расплылся в туповатой улыбке:

— Да здесь всё было странным! — выпалил я слишком быстро, чем сразу выдал волнение. — Что-то явно произошло между ними и тобой! Только не пойму, что именно.

Роберт тоже улыбнулся и, продолжая есть салат, поинтересовался:

— А сами полицейские чем-то запомнились?

Я попытался представить черты их лиц, но не смог.

— Тем, что они тут вообще появились! — выдавил я. — Ещё у того, кто сначала подошёл ко мне, взгляд был каким-то шальным. Будто он не глазами смотрел, а *из-за* головы. Жутковато.

Я сделал паузу, поразмыслил и добавил:

— Но странней всего были твои ответы. Я, конечно, сообразил, что ты не хотел куда-то меня вовлекать, но куда?

Роберт не спешил отвечать на вопрос, зато озадачил встречным:

— Слушай, а у вас все полицейские свободно говорят по-английски?

И тут до меня дошло: патрульный разговаривал на чистейшем американском английском! Мне и не снилось такое произношение, несмотря на то, что я несколько лет занимался с репетитором из США.

Я только раскрыл от удивления рот.

— Ты даже не заметил, что они говорят по-английски, да? — понимающе закивал Роберт.

— Да, не заметил, — гулким эхом отозвался я.

Несколько раз я прокрутил в памяти картину, как полицейский подходит и заговаривает, но так и не сообразил, почему я сразу не удивился, услышав английскую речь.

Роберт в это время усиленно налегал на еду. Его аппетит, в отличие от моего, не пострадал. Жужа, этот весёлый парень бросил небрежную фразу, от которой я покрылся холодным потом:

— Это были не люди. И ты правильно подметил: отвечал я так, чтобы не давать повода для новых расспросов. Вкусно тут готовят!

Салат, который я и до того жевал без энтузиазма, застрял неподвижной массой во рту: на несколько секунд я потерял способность шевелить челюстью, двигаться и говорить. Ничего не отвечая, я сидел и гадал, кто сейчас бредит, Роберт или я?

— То есть как это, «не люди»? — еле проглотил я комок неразжёванного салата.

Роберту понравилась моя реакция. Он явно рассчитывал полностью завладеть моим вниманием, и у него получилось сверх нормы.

— С нами общались не два бравых парня, а те, кто ими управлял.

Слова Роберта казались безумными, но они удивительно точно отражали мои собственные впечатления от встречи с полицейскими. Где-то внутри меня уже сидело понимание, что Роберт прав, но оно не вписывалось в мою картину мира. Перегретому мозгу требовалась передышка, однако я не мог остановиться и беспорядочно набрасывал новые вопросы:

— Что значит «ими управляли»? Кто? Как такое вообще возможно? Они всё-таки люди, правильно?

— Хорошие у тебя вопросы, Джай! — засмеялся Роберт. — Не зря я сюда летел. Даже удивительно, почему ты не обзываешь меня больным придурком, а спрашиваешь действительно важные вещи.

Пока я смущался, не зная, как реагировать на похвалу, Роберт закончил с салатом и перешёл к горячему блюду. Какое-то время он молчал, то ли подбирая слова, то ли наслаждаясь вкусом рагу, то ли просто выдерживая паузу для поддержания атмосферы, а после продолжил:

— Кто именно посылает всех этих людей, — начал он по порядку, — я до конца ещё не разобрался. Да, подходили к нам люди, ты прав, но общался ты не с человеком, а с существом, которое его контролировало. Мне тоже хочется больше узнать об этих существах и досконально выяснить, как они подчиняют людей своей воле. Я к тебе потому и приехал: решил, что ты сможешь.

Роберт взял со стола перечницу и стал трясти ею над тарелкой с рагу.

— Как думаешь, что они искали? — спросил он.

Я настолько заворожённо его слушал, что ещё долго ждал продолжения рассказа. Он закончил посыпать перцем блюдо и вопросительно на меня посмотрел:

— Есть идеи?

— А? — опомнился я. — Не знаю. Наркотики или взрывчатку, наверно.

Показалось, что Роберт немного разочаровался моим ответом, но долго грустить по этому поводу не стал.

— Да, в какой-то степени ты прав, — согласился он. — Только с тех пор, как у меня появилась книга, таких случаев досмотров, обысков или проверок было уже, наверно, полсотни. Все ищут книгу или что-то с ней связанное, только сами об этом не знают.

Я попытался что-то проанализировать, но потонул в тоннах беспорядочных мыслей, поэтому задал предельно глупый вопрос:

— А что за книга-то?

Роберт внимательно посмотрел мне в глаза, в которых прочитал явную растерянность, и кивнул на мою тарелку:

— Ты бы поел, Джай. Мне уже сейчас чай принесут, а ты ещё и салат не осилил. Кто-то говорил, что сегодня не ел.

Предложение Роберта вернуло меня к реальности. Я увидел, что перед ним и правда стоят уже пустые тарелки, а я застыл с вилок в руке, так толком ничего и не съев: за разговором я куда-то улетел, не замечая, что мы сидим в кафе, что посетителей прибавилось и что к нашему столику вновь идёт официантка.

— Пожалуйста, ваш чай, — сказала она, снимая с подноса чайник, сахарницу и две чашки на блюдах.

Забрав пустые тарелки Роберта, она немного замешкалась, глядя на мои, полные еды. Я уловил её взгляд и отшутился:

— Люблю неспешно поиграть с едой. Всё очень вкусно, спасибо.

Девушка улыбнулась, кивнула и ушла. Я снова переключился на разговор и мысленно повторил последний вопрос Роберта.

— А! Книга! — дошло до меня. — Извини, в голове уже каша от всего, что ты наговорил. А это мы ещё и полчаса не просидели. Надо действительно поесть, потому что дальше будет ещё хлестче, верно?

Мы засмеялись. Напряжение отступило.

Пять минут трапезы в тишине — и вот я снова готов вникать.

— Давай продолжим, — выдохнул я. — Вроде полегчало. Смотри, что я понял из твоих слов: какие-то существа охотятся за книгой, которую мы всем миром мучаем, пытаюсь разобраться, зачем она нужна.

Я разогнул один палец из кулака, обозначая первый усвоенный пункт. Роберт утвердительно кивнул.

— Следующее твоё утверждение: эти существа — не люди, но используют людей в поисках книги. Домысливаю: эти же су-

щества как-то связаны с теми, которых я видел у себя дома. Верно?

Роберт снова кивнул, и я разогнул второй палец.

— При этом, когда мы говорили на днях, ты сказал, что не знаешь точного назначения книги, но в ней, по-твоему, скрыта важная информация о других измерениях. Так?

Роберт поколебался с кивком, намекая на небольшую неточность вывода, но всё-таки согласился. Я отогнул третий палец.

— Хорошо, — произнёс я, глядя на три отогнутых пальца. — Тогда пока отбросим вопрос о нашей вменяемости и начнём с этих утверждений. Расскажи, как ты до них дошёл, с каким-нибудь предисловием. Ты, может, думаешь, что я в теме, а я вообще не врубаюсь, о чём ты говоришь. Постараюсь не перебивать.

Рассказ Роберта изменил мой взгляд на мир.